

КАЛМЫКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
КАЛМЫЦКОЙ АССР

ГЛАГОЛ И ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ СОВРЕМЕННОГО
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Элиста - 1979

- I На письме является омономом слова чич "ударь". Но данный вариант произносится как чичь. Здесь ь - редуцированный гласный
- 2 Котвич В.Д. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915, с.104-105
- 3 Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940, с.83
- 4 Там же, с.83
- 5 Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847
- 6 Там же, с. а-143, б-157, в-160, г-142, д-154
- 7 Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. а-237, б-246, в-217
- 8 Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, с. а-145, б-156, в-200, г-154, д-154
- 9 Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. а-140, б-262, в-269, г-177, д-355
- 10 Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, с.173
- II Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с.177, а-355
- 12 Там же, с.153

I. Повелительное наклонение /императив/

Повелительное наклонение халхаского наречия можно обнаружить как в письменном языке¹, так и в других известных монгольских диалектах и наречиях². Но ничто не свидетельствует о наличии суффикса в этой форме.

Повелительное наклонение без окончания все-таки является общим свойством современных монгольских языков и древне-монгольского языка. Повелительное наклонение считается той формой, от которой образуются все другие глагольные формы путем присоединения соответствующих суффиксов.

Это в какой-то степени верно только в том случае, когда перед обучающимся хотят непосредственно "образовать" формы спряжения, рассматривая их исторически, как уже существующие и образованные, не от повелительного наклонения.

Все же прежние грамматики считают эту форму только

ж Настоящая публикация является извлечением из труда выдающегося финского монголоведа Г.И.Рамстедта "Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingfors. 1903."

Известный лингвист Г.И.Рамстедт исследовал глагольные формы халхаского наречия монгольского языка в сравнении с другими монгольскими, а также тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Существенные различия в терминах, выражавших одни и те же понятия, между автором данной публикации и авторами монгольских лингвистических трудов позднего периода, объясняются разницей во времени.

Необходимость публикации настоящего исследования вызвана тем, что названная книга Г.И.Рамстедта в настоящее время стала библиографической редкостью.

Перевод с немецкого на русский язык осуществлен преподавателем немецкого языка Калмыцкого государственного университета Г.С.Баткеевой.

как форму единственного числа, подобное ограничение не оправдывается ее употреблением на письме, когда эта форма выражает приказ, направленный к одному или нескольким лицам³, а еще меньше не оправдывается ее употреблением в современных диалектах. Как известно, кадебная, бессуффиксальная форма повелительного наклонения имеется также в тюркских и маньчжурских языках.

И. Побудительное наклонение. / ПРЕСКРИПТИВ /

Из спонтанной побудительной формы, заднеязычного ряда - $\bar{a}r\bar{a}$ и переднеязычного - $\bar{e}r\bar{a}$, первый восходит к более древнему - $\bar{a}ra$ ⁴.

Согласно фонетическому закону, сму, т.е. - $\bar{a}ra$, параллельно противопоставляется переднеязычный - $\bar{e}ra$, который в современном языке встречается как - $\bar{e}r\bar{a}$, окончание - $\bar{e}r\bar{a}$ является возможным, опирающимся на - $\bar{a}r\bar{a}$ и в обоих случаях мы имеем один и тот же гласный - \bar{a} , как в - $\bar{a}r\bar{a}$ и - $\bar{e}r\bar{a}$, так и в - $\bar{a}r\bar{a}$.

Более древний калхаский суффикс - $\bar{a}ra$ встречается в этой или соответственно в подобной звуковой оболочке во многих бурятских диалектах и даже в калмыцком. Кастрен⁵ /стр. 44 ГЗ/ оказал славушке о бурятском языке: "Наряду с окончанием повелительного наклонения - \bar{a} встречается диалектное - \bar{ra} у глаголов, оканчивающихся на гласную или на согласные \bar{t} , \bar{r} , \bar{l} , \bar{z} , при этом выступает форма - $\bar{a}ra$ и - $\bar{e}ra$ ". Приведенные им примеры⁶ однако не обнаруживают ни - \bar{ra} , ни - $\bar{a}ra$, ни - $\bar{e}ra$: $\bar{a}l\bar{a}r\bar{a}$, $\bar{a}l\bar{a}r\bar{e}$, $\bar{a}l\bar{a}r\bar{e}$, $\bar{a}l\bar{a}r\bar{e}$. Орлов⁷ пишет, например, $\bar{a}l\bar{a}r\bar{a}$, однако это можно читать также и как $\bar{a}l\bar{a}r\bar{a}$, потому что не принято в должной степени во внимание количество /гласного/; но ведь встречается, например, также $\bar{a}l\bar{a}r\bar{a}$, $\bar{a}l\bar{a}r\bar{a}$, $\bar{a}l\bar{a}r\bar{e}$, которые действительно выступают как примеры с окончанием - \bar{ra} .

В бурятской оаке, записанной молодым последователем А. Рудневым, я нашел написание $\bar{a}l\bar{a}r\bar{a}$ ⁸, которое опять-таки свидетельствует о существовании варианта - $\bar{a}ra$ /или

точнее - $\bar{a}r\bar{a}$?/. Из калмыцкого языка до сих пор только известен - $\bar{a}r\bar{a}$ ⁹. Встречаются ли эти изменяемые формы также и в других диалектах, например, в кичинском, я еще не могу это утверждать. В ранних литературных трудах они не встречаются, также и в более поздней литературе. Вышеказанное пока недостаточно освещает лишь вопрос об общности и распространении прескриптива внутри монгольского языка.

То обстоятельство, что его существование не доказано в кичинском языке, обращает на себя внимание северный языковой сосед - якутский язык. Там имеется императив /повелительное наклонение/ на - $\bar{a}r$ и - $\bar{a}r\bar{u}$ где - \bar{u} является уоплавающим значением конечным звуком¹⁰. Подобные уоплаватели встречаются в конце слов и предложений, являются обычными и в монгольском языке¹¹ и тогда - \bar{a} в - $\bar{a}r\bar{a}$, - $\bar{e}r\bar{a}$ можно также рассматривать как застывший здесь конечный звук.

Это предположение достаточно подтверждает появление - \bar{a} /или - \bar{e} , $\bar{a}l\bar{a}r\bar{e}$ у Кастрена/ вместо ожидаемого - \bar{a} . Здесь следует учесть еще одно обстоятельство. Во многих бурятских диалектах¹² встречается подобное образование во множественном числе от прескриптив, особенно в тех диалектах, где бенедиктив как форма множественного числа отнесена к повелительному наклонению; итак, $\bar{a}l\bar{a}$: $\bar{a}l\bar{a}r\bar{u}$ = $\bar{a}l\bar{a}r\bar{a}$: $\bar{a}l\bar{a}r\bar{u}$. Как видно, ко времени образования слов типа $\bar{a}l\bar{a}r\bar{u}$ только форма $\bar{a}l\bar{a}r$ воспринималась как прескриптив¹³.

Так как со всей очевидностью мы можем написать * $\bar{a}r$ / * $\bar{e}r$ / как "основную форму" в - $\bar{a}r\bar{a}$, - $\bar{e}r\bar{a}$, поэтому этот суффикс совершенно совпадает с якутским суффиксом повелительного наклонения. Если написание, согласно Орлову $\bar{a}l\bar{a}r\bar{a}$, $\bar{a}l\bar{a}r\bar{e}$ и др. является правильным, то в монгольском языке предполагается /существование/ второй, "основной формы" - \bar{r} . Нет необходимости останавливаться подробнее на данном исследовании о существовании этого суффикса - \bar{r} - $\bar{a}r$ < * $\bar{a}r$ в тюркско-татарских диалектах, так как Бэтлинг¹⁴ уже сравнил эти якутские и монгольские формы

повелительного наклонения с уже известными "причастиями настоящего времени" и "временными основами" на $(-y)z \sim (y)z$ для "настоящего" и $-ar \sim -az$ для будущего¹⁵. Как свидетельствуют эти языки, первоначальный суффикс $-r / -z$ / и тюркский $-a$, монгольский $-ya$ относятся к первоначальной глагольной основе /см. ниже опатив - желательное наклонение/. Сюда относится, конечно, также "причастие настоящего времени" на $-ra / -re, -ro / o$ предшествующим гласным в маньчжурском и нерчинско-тунгусских языках¹⁶. В маньчжурском языке¹⁷ этой глагольной форме придают часто значение императивного или, точнее, значения повелительного наклонения будущего /в будущем времени/. В других тунгусских диалектах встречается много рода претеритивный суффикс $-ri$ /суффикс $-ri$ ¹⁸ для обозначения прошедшего времени/, потому есть вероятность, что маньчжуро-нерчинское "причастие настоящего времени" развивалось под влиянием монгольского и даже монголо-тюркского происхождения. Противопоставление тюркского $-ar$ и маньчжурского $-ra$ является неверным и частично необоснованным. Это противопоставление выдвинуто еще Фр. Миллером в его "Очерках", II 2 с. 284.

Одновременно следует отметить, что в монгольском языке сюда еще относятся окончание $-r$ $-a$, который упоминался до сих пор только в старом маньчжурском языке и правильно идентифицировался еще Бобровицким¹⁹ с тюркско-татарским "инфинитивом" на $-ya$ /= дат.пад. от $-r$ - именного/, а также "прародитель герундий" на $-run$ или $-r$ $-un$, который считается как родительный падеж того же самого $-r$ -20 , что на деле может быть только именительным падежом. Кстати невозможно обнаружить в монгольском языке гонитив /родительный падеж/ употребленный как наречие и ни до сих пор несли дело о вторичном образовании основы. Окончание $-un$ $-un$ является как в монгольском, так и в маньчжурском языке, таким частым вторичным явлением именных форм, что нет необходимости об этом говорить подробно. См. некоторые примеры у Радлова "Фонетика", § 295,

с. 192.

Что обобщить вынесённое, мы можем констатировать существование в халхаском побудительном наклонении маньчжуро-монгольско-тюркского первоначального суффикса $-r / -z$ / и наличие дополнительной $-ya$ /маньчжуро? / монголо-тюркской глагольной основы. О конечных $-ai \sim -a$ в конце слова см. желательное наклонение /опатив/ и временные формы.

III. Сослагательное просительное наклонение / ПРЕКАТИВ /

Как своеобразная синтаксическая особенность сослагательного просительного наклонения упоминается энклитическое присоединение к нему личных местоимений $t\dot{s}i, ta$ ²². Подобное употребление личных местоимений, когда совершенно очевиден переход $t\dot{s}i > -t\dot{s}, ta > -t$, реже $bi > -p, bi\dot{n} / \dot{p}\dot{e} / > b\dot{p}\dot{e}$, можно наблюдать и у других форм слова, но ни в коем случае не обобщать. Я написал очень мало таких примеров, как $nas \dot{c}e\dot{p}$ $\dot{c}ur\dot{e}-p\dot{t}\dot{s}$ 'Сколько тебе лет' и $arwun-n\dot{e}mp \dot{c}ur\dot{e}-w\dot{i}-p$ 'Мне 18 лет /по монгольскому числительному, по нашему же 17 лет/'.

Здесь в халхаском наблюдаются отдельные случаи уже древнего и в то же время обновляющегося явления. Энклитическое становление основывается здесь на добавлении, которое вносит уточнение объясняемых слов, как это имеет место во всех языках, а в монгольском также подчеркивает это и подлежащее, например, $e\dot{n}\dot{c}e\dot{p}\dot{z} \dot{c}ell\dot{e}\dot{p}\dot{z} \dot{c}ar$ 'так сказал он, а именно хан' = 'так сказал хан' $bi \dot{j}aw\dot{n} bi$ 'я иду, я'-'я иду'. Выдыхание потока воздуха и связанный с ним глубокий регистр вызвали в обычных случаях как следствие фонетического характера ослабление и исчезновение гласных.

Это особенное явление в бурятских диалектах, где они чаще всего уже обобщены, поэтому легко наблюдать за ними, именно на этом явлении основано также и "личное спряжение" многих других языков. По какой-то еще неясной причине /бурятское влияние²² просящего тона?/ также добавления стали обычными также и в халхаском сослагательном просительном

наклонения.

Что касается самого сослагательного просительного наклонения, то он стал известен из бурятского с одинаковым употреблением и значением. По Кастрену, его окончанием является *-is* /неточно для *iš* /, по Орлону, в ед.ч. *-yš* и *aiš*, *eiš*, во мн.ч. *-yt* и *ait*, *eit*. Более ранние работы не обнаруживают таких форм и в калмыцком, а их тоже не нахожу, чтобы они где-то упоминались. Если бы положение Бобровникова оправдалось относительно *ya-bu -hai* в документах Дармабала и Буянту²³, то можно было бы это сослагательное просительное наклонение признать также и как икно-монгольское, но, к сожалению, это не имело места. Возможно, что будущие исследователи обнаружат эту глагольную форму также и в других монгольских диалектах.

Если отделить от *-ā -tš*, *-aiš*, *-yš* и *-āt*, *-ait*, *-yt* "личное окончание" *-š* и *-t*, то окончанием сослагательного просительного наклонения везде будет *-ā ~ ai* /~i<-ai / . Это окончание долгого гласного, как и другие, восходит к **ya ~ *yai*, который подвергся стяжению с конечным звуком основы; после долгого гласного стало *-ya > -gā*, которое изменилось в *-gā* при установлении формального единства. Вопрос заключается в том, является ли это окончание первоначально конечным гласным *-ā ~ ai* межтометного происхождения, тогда бы эта форма была = /равнозначна/ повелительному наклонению с *ā* /~ai в бурятском/, или является ли долгий гласный особым глагольным образованием, тогда бы мы имели основу потентатив в повелительном наклонении²⁴.

Эти вопросы являются весьма трудными, чтобы решить их сегодня, имея скудные знания о монгольских диалектах. В пользу последнего предположения говорит упомянутое Бобровниковым отрицательное образование повелительного наклонения на *-ba* /-bā /, которое не встречается в халхаском языке, которое употребляется "всегда" с "личным окончанием", так как оно предполагает якобы особую основу²⁵. В пользу первого предположения говорят одинаковые формы и значения

этого сослагательного просительного наклонения с якутским усиливающим повелительным наклонением на *-yi*, *-ii*, *-ui*, *-üi*, которые содержат по Ястремскому²⁶ /"вопросительную частицу"/. Срав.: бурят. *jab-ai* : *jabār-ai* с якутским *bys-yi* : *bysār-yi*.

IV. Бенедиктив

Это наклонение нам известно из многих диалектов. В бурятском оно является обычной глагольной формой, его употребление и значение не такое сложное как в халхаском. В некоторых бурятских наречьях, по Кастрену²⁷ и Орлону²⁸, формы на *-tui* и *-xtui* с *ta* ассоциируются с подлежащими, с повелительными наклонениями, для которых *ši* (= халх. *tši*) мыслятся как подлежащее и потому выделяются за 2-ое лицо мн. числа повелительного окончания. Прескриптив окончанием прескриптив во 2-ое лицо множественного числа прескриптив. Предикативное наклонение: итак, после *ab* : *abtui*, также *abār* : *abārtui* или после *ab* : *abuxtui*, а также *abārai* : *abāraixtui*. В калмыцком языке бенедиктив образуется с *-tun*, *-tan*, а на письме передается монгольской орфографией²⁹. А также в подговорах находят примеры бенедиктив на *-tun* /-ton / в /Рухсат/ Кетана "позвольте мне" / Phrase № 25/.

Во всех диалектах, наверняка, есть примеры, в которых окончания бенедиктив восходят к более древним *-gtun* и *-gtui*. Подобные окончания, являющиеся основными формами суффикса в халхаском наклонении бенедиктив, и регулярно заменяются на *-xtun > tʰ* а также *-xtui > tʰi*, часто встречающихся на письме, а от них заимствованы *-ctʰ*, *-atʰi*, которые относятся к более высокому стилю. Но встречается также и другое правописание, как *-dʰun*, *-gdʰui*, *-daqui* и *-taqui*³⁰. Какие из этих нестранных орфографических вариантов относятся к старописменному языку и какие приближаются к разговорному диалекту или же являются только орфографическими мудрствованиями, почти невозможно установить. Однако верно то, что *-gdʰui* полностью совпадает

о именном будущем основе страдательного залога на -gda - и не отпадают друг от друга и правильное или неправильное ли это, но они идентифицируются³¹. На этой идентификации основываются также -daqui или taqui, из которых последняя, также как и tuqui, может быть неверной реконструкцией. Следовательно бы еще спросить, является ли на деле бенедиктив только эманицированным именным будущим основой страдательного залога. На этот вопрос следует ответить отрицательно, так как едва ли возможен этот переход -gdaqui или -gtaqui > -at'i. Возможно, что -gdaqui /gdaui/ можно быть одиноким в -at'i, но тогда следовало бы ожидать долгое -aui /или -aä /³². Скорее всего -at'i может быть сослагательным - волеизъявительным /желательным/ как-то: ta jawqat'i = ta jawqad'i 'Вы должны быть выжили'. Значение подходит хорошо, тогда вариант -at'o остается неясным, хотя употребительным, и примеры можно привести из более ранних времен. В Дамь-Час-Мя-Лин мы находим один за другим формы бенедиктива, на -dqu и -qtun, формы которых не восходят к сослагательному-волеизъявительному наклонению. Мнение Кастрена не является убедительным, что -ktui якобы образовано от "3-го лица", т.е. нашего уступительного, потому что уступительное первоначально оканчивалось на -gi, и вторичное -tun ~ -tui также не доказано. В отношении истории этого окончания имеются разные варианты - *g.tun ~ *g.tui восходит к одной форме /ср. именное будущее *-kun ~ *kui ~ *ku, желательное наклонение - *sun ~ *sui ~ *su, волеизъявительное *ju ~ фактически / а /-jun и др. В якутском есть повелительное наклонение /3 л., ед.ч./ на -yahtun, -iahtin³³ и др. По Бетлингу эта якутская глагольная форма образовалась из именного будущего на -yaд и личного окончания -tun / тюрко-монгольское -sun /. Если это действительно так, то эти образования не имеют ничего общего друг с другом, так как для якутского именного будущего нет эквивалента в монгольском языке и невозможно рассматривать как заимствованный из якутского старей и широко распространенный бене-

диктив.

История бенедиктива мне еще не ясна, несмотря на многие точки соприкосновения.

У. Уступительное наклонение / КОПИССИВ /

Уступительное наклонение известно не только в талышском, но и в бурятском, где его окончание -gi или -k-qi³⁴. В писменном монгольском языке и в казахском уступительное наклонение не обозначено. Эту глагольную форму называют в грамматиках "3-име ед.ч. повелительного наклонения", что не относится к казахскому языку и не обязательно для бурятского. "Я" и "мы", а также "ты" и "вы" или "вы" могут быть в некоторых случаях рассматриваться как подлежащее³⁵.

Уступительное наклонение пока что утверждается только как северомонгольская глагольная форма. Кроме монгольского оно еще встречается в тунгусском, чья -gin, -kin. Многочисло -gitin, -kitin³⁶ совершенно совпадают с казахским -gi. Даже о этих /наклонения/ связях маньчжурские -ki и -kini, которые образуют по Захарову повелительное наклонение "2" и "3" го лица³⁷, в действительности же являются примерами для всех лиц. В наличии этимологической связи между тунгусско-маньчжурским и казах-бурятским уступительным наклонением я совершенно уверен, хотя я не могу сказать в каком языке оно является первоначальным. Говоря о других сходных контактах, можно будет прийти также первоначально обимонгольскую форму на -gi и можно, вероятно, говорить о связи этой глагольной формы "с распространением повелительного наклонения" на -gil /-yil, -kil³⁸ qyl / или -gir / -uyr / и т.д. в тюркских языках³⁸.

УІ. Желательное наклонение / СИПАТИВ /

На современных окончаниях желательного наклонения -äzä и -äz'e более ранним считают -äzai, так как конечный -ä в словах с гласным заднего ряда всегда образован от -ai. Напротив, -äzä же происходит из соответствующего -äzei /, -ei, дает -i, см. стр. 58, 2.

-а базирующаяся на близком примыкании к гласному заднего ряда -ā, таким образом, -āc-ā и ēs-ā /срavn.проскритичн./.

В литературе желательное наклонение jawācā встречается в различных формах о написанном I/ jabusai, jabasai, 2/ jabuqasai, 3/ jabusugai и 4/ реде jabuqasugai. Очевидно, что все эти орфографические обозначения для -ācā, ācā халхаского совершенно верны. В калмыцком также встречается желательное наклонение на -ācāi, -ēcāi и Кастрен нашел в бурятском "условное" на -āha /? а также -āhā -ēhā /40. На осуществление желательного наклонения в различных независимых монгольских диалектах уже, конечно, указано, и мы можем эту глагольную форму признать как обобщенно-монгольский языковой запас.

Наряду с -suqai на письме в том же самом значении встречается более короткий -su, который идентифицирован еще Шмидтом⁴¹ с вариантом -suqai. Этот -su известен также и в бурятском, но отличается от -ācāi тем, что ему предшествует краткий гласный, т.е. jabāha но jabuhu, nemāhe но nemehui. То же самое имеет место в калмыцком, где ögöcāi и öcāi, jabācāi и jabusu противопоставляются друг другу. Так как и письменному языку свойственно это суффиксальное образование с отсутствием гласного, что подтверждается ögsügei и ögsü, boluqai /наряду с bolusugai / и bolsu и др. Появление -ya является особенно частым в Кэн-Чоо-би-ки, например, α-sa-khu-ha-su 'если спрашивают', ö-gu-he-su 'если даст' и другие подобные встречаются в позднем монгольском письме, например, bügesü 'Если это есть' икномонт. bös, bös. И если я еще упомяну, что в некоторых брошюрах из Алашана имеются вместо -su и -suqai обычными являются окончания -sun и -sui⁴², тогда мы можем обобщить следующим образом отсылаясь сюда словоформы, которые существуют в письменном и в разговорном монгольском языке:

I. C -^asu / -sun, -sui /; а/ пишется ja-

biuu, произносится jabuu ; б/ пишется ja-bu-
ha-ai, произносится jabāu

2. C -^asuqai или -^asuqai : а/ пишется jabasugai, произносится jabusa /бурятский/; б/ пишется jabuqasugai < ^ajabuqasugai какх. jawācā

Для желательного наклонения и ему подобных образований /вспогательного, повелительного наклонений I и 3 лица условного/ имелись две основы в обобщенно-монгольском языке а/ коренная основа *jabu- и б/ расширенная основа потен-циал jabuza-, пишется jabuqa-, новомонг. jabā- и два суффикса: I/ -^asu наряду с -sun и -sui и 2/ расширенное с помощью ai ~yai -^asuqai. Вспомогательная основа *jabu ~ jabuza известна нам из повелительного наклонения и, вероятно, имеется также в бурятском имени совершенного jabācaq. Довольно редким оно является в монгольском языке, но чаще встречается в тюркских языках, где тоже они трудно объяснимы, как и в монгольском языке⁴³. Поэтому мы должны довольствоваться упомянутым этим монголо-тюркским соответствием. Суффиксом -^asu / -sun, -sui / и -^asuqai(i) > -sā, -sai распространены во многих областях. Наряду с -su, -sun имеются в тюркских языках -sun / -syn, sün, -sin /, основная форма это -sun, которая встречается как окончание 3 лица единственного числа повелительного наклонения и может иметь звучание в алтайском и койбальском языках⁴⁴ -zen, -sen и т.д., в якутском⁴⁵ -dun, -tun и т.д., далее -su ~ -so в маньчжурском, которые должны обозначать окончание повелительного наклонения и образуют довольно обычную глагольную форму⁴⁶. Расширенное -^asuqai > -sā встречается также вне монгольского. Мы вспоминаем, что Кастрен алāsa называл "условным". Этим можно сравнить окончание -ca условного наклонения тюркских языков /османское, кумыкское, уйгурское и др. -sa, койбальское -ca, -za⁴⁷, чувашское -san⁴⁸. Приведенное в этих языках окончание -sar / в орхонских письмах. якутском -dar, -tar и т.д.⁴⁹ является старым примыканием к причастию

настоящего времени на -си или же это -г одинаково ясно-го происхождения как и окончание местного падежа /локатива/ старомонгольского -dur, наряду с -da, как известные теперь монгольским и тюркским диалектам и -ai тунгусского /и как в киргизском -yur-, монгольское -gi-, см. уступительность?/.

Здесь уместно назвать желательное наклонение /опитатив/ на -tugai⁵⁰. В новом халхаском наречии имеются образованные от него запретительное bütügei /bitügei />bitügi, -gä, -gä 'оставь' на! и baitugai > baitügi 'оставь как есть' от bikü 'быть' и baiqu 'оставаться, быть'. Встречаются также бол'tug'e 'пусть станет' и в киргизском учебном муляе бывают еще другие подобные слова, но они образованы из псалма и не являются народными. bitügi и baitügi показывают, однако, что мы должны иметь дело с суффиксом -tugai или -tugai, а не с -tugai /ср. -sugai > -sai, -sa/. То же самое подтверждает также пример из квадратной множественности, например, ai-da-tu -khai /на доске Вихокурова/. Несколько подробнее об этом суффиксе я не сообщил, что мог бы восходить к персональному -*tug. Вероятно, в этом можно увидеть двойную форму тюркского именного действия на -dug /- монг. -*dag, см. именной узус/.

Дублетка на -yuz'e будет рассмотрен в связи с именным будущим.

VII. Желательное наклонение /ОПИТАТИВ/

Глагольная форма халхаского наречия, которая приведена под названием опитатив /наклонение желательное/, она известна /многим/ грамматистам, но каждым из них понимается и трактуется несколько по-разному. Если подвести краткое резюме, то по Шмидту⁵¹ и даже по Ковалевскому⁵², следует -ju "3 единственное, множественное число будущего времени" и -ja "I множественного будущего", согласно Попову⁵³ -ju "ближкое будущее", -ja "I множественное число опитатива". Бобровиков⁵⁴ и после него Котвич⁵⁵ рассматривают -ju

как "наот.вр. изъявительного наклонения II" /с дополнит. значением "долженствования" и -ja - как "I множественное повелительного наклонения /императива/" и "как исключение" также "I единственного числа повелительного наклонения"⁵⁶. Вострен рассматривал только -ja /-je / как "I лицо множественного числа повелительного наклонения" со значением, что эта форма является как бы монгольским замещением в бурятском языке⁵⁷. Орлов понимает точно также, только он кажется считает эту форму распространенной во всех бурятских диалектах⁵⁸. Викал Сергей же воспринимает -ya, -ia, и -i как обособленную всем лицам⁵⁹.

Суффиксы -ja и -ju понимаются постоянно как два совершенно различных суффикса. Однако я считаю, что они могут быть соотносены друг с другом. Первоначальным суффиксом повеления является именно -ju или -j /-i /, который изменил обихомонгольское -*ju /или -ji /, сравните, повелительное наклонение прошедшего времени -zu < *di и написание -ja или -i-a передает более поздний вариант разгласной речи -jä, т.е. -ju-ä /~ti /. Если бы окончание -jä было более ранним, то окончание должно было встречаться на письме что-то вроде -jüai /сравните, -sä ~ -sugai, -sä ~ -zuqu /-. Конечный гласный, -ä является тем же самым междометным или, если хотите, звательным гласным, который нам уже известен по многочисленным уже рассмотренным случаям: см. SU §49. Этот гласный относится здесь не к собственному окончанию, а является как-бы эмфатическим усилением, чем-то совсем вторичным.

Следовательно, я считаю, что мы здесь исходим от "презентного будущего" на -ju или -ji со значением "долженствования". Это значение и форма имеет также именно "настоящее II" на -ju, -i литературного языка. Более краткий вариант -i никем из грамматистов не упоминается, но встречается в литературе: ezelei, jabui, bolui, bui /*bui /, ср. bui, buju, а также встречается в эвентивных халхаских словах как äs'i, приближаясь к ai ~ wi и biwi "есть", единственное остаточное явление этой формы

"предметное будущее" со значением изъявительного наклонения. Это "презентное будущее" становится, напротив, все употребительнее в повелительных предложениях и известно во всех диалектах как волеизъявление или императив: "я хочу" или "мы должны", сравните, англ. I will ~ you shall. Исходя из ограниченной функции самой формы придали значение повелительного наклонения, а вместе с удлинением -ā воспринималась как новая форма.

Итак, халхаское -i является < -(ü)jü и ija < -(ü)j-a. Примеры из наречий этого старого общемонгольского образования в ketong kiwarch ya халхаское xi'tq (ki-персональное, "что" /or'ts'ija "разрешите мне уехать"⁶⁰. Общемонгольское -*jü, -ji мы можем подкрепить примерами общетюркского -a-jyn, -ä-jin /Орхон/, который известен как окончание "I лица единственного числа будущего времени" или "повелительное наклонение" или "желательное наклонение"⁶¹. Краткий гласный ü монгольского языка соответствует очень часто yü) в тюркских языках, конечный гласный которого -n является вторичным и такого же характера как и в монгольском -su - тюркское -sun. Начальный гласный -a /-ä / тюркских языков, вероятно, относится к основе потенциального наклонения, кстати, сравнивая монгольское -*si ~ с тюркским -a-sy /см. именное наклонение возможности!/. В маньчжурском языке я не могу указать на наличие этого суффикса, так как мне не известны изменения *j- в середине слова в этом языке. Первичный суффикс *ji /или *ji /, продолжавший функционировать как волеизъявительный является, таким образом, по крайней мере монголо-тюркским.

VIII. Потенциальное наклонение / ПОТЕНЦИАЛ /

Глагольные формы, оканчивавшиеся на -mazu ~ -mts в современном халхаском языке прошли полное развитие, начало которого ощущается в письменном языке. Самое обычное настоящее время письменного языка имеет окончание -müi. Наряду с -müi встречаются также -mi и даже -m /при-

соединяясь к более позднему народному языку/. Об этом более точные сведения даны грамматистами⁶². Этот -müi - настоящего времени часто бывает связан с частицей за /зе / "конечно" в письменном языке⁶³. Слово за / = халхаское xā -ozā / в таких соединениях стало энклитическим⁶⁴. На письме мы имеем варианты как jabumiza и jabumiza, так и jabumiza и этому последнему полностью соответствует халхаское потенциальное наклонение.

Простое настоящее на -müi как форма спряжения утрачена во всех известных сегодняшних диалектах. Ламы и ириэны, знакомые с грамотой, употребляют такие формы, чтобы похвастаться своей ученостью и даже заведено, что все изложенное на письме от настоящего времени на -müi оформляется этой устаревшей формой, а в живом разговорном халхаском языке я обнаружил это окончание только в одном единственном слове: jām'e / < jām'ai срав. jaqakimüi /, которое претерпело семасиологическое смещение от "что делать" или "что делает" и "оставь". Например, jaqak jām'e "пусть так идет". Вероятно, настоящее время на -müi - продолжает жить в уже исследованных южномонгольских диалектах.

Посмотрим теперь, что мы можем узнать о происхождении старого суффикса -müi. Шмидт⁶⁵ и вслед за ним также и другие исследователи /Кастрен⁶⁶, Фр. Моллер и др. / объясняют, что maqtamüi, abumüi являются якобы стяжениями от maqtan amüi, abun amüi, где amüi является настоящим временем от aq "быть". Что достигнуто этим объяснением, я не могу понять. Как происходит -müi в amüi? Вероятно из an amüi! Шотт и после него некоторые поздние исследователи /напр., Грунзел⁶⁷/ указывают на соответствие этого суффикса с окончанием настоящего времени -müi в маньчжурском. Это противопоставление, хотя и очень привлекательно, но фонетически не выдержано. Маньчжурское -müi является сочетанием одного языка от -me и bi "есть" /ср. -müi "был" или возможно от -n и -bi⁶⁹.

Предположение, что окончание в -müi именного глаго-

на -m или -ma /om. Именная описательное наклонение/ слиялось с каким-то būi, не говорит в пользу монгольско-го. Тогда следует прежде всего доказать старый переход ⁷⁰ -mb->-mw->-mu-. Тогда мы вправе и в этом случае ожидать другие подобные сближения от būi-, но такие нигде не обнаружены. Я хочу поэтому указать на другие глагольные формы из тунгусского и маньчжурского языков. В тунгусском встречается настоящее продолжительное - презенс герундия на -mi /-min? / -min / и в маньчжурском⁷¹ уже упомянутый герундий настоящего времени на -me.

В монгольском языке должны быть также обнаружены, согласно Орлову, подобные герундии, например, unumai / unumai-zin / "окача / верхом на лошади/", xelemei / xelemeizhin / "говорит", но в каком наречии этот герундий появился впервые, об этом он не говорит⁷². Все эти герундии интересны потому, что они являются идентичными и указывают на суффикс -mai.

Этому конвербальному -mai полностью отвечает окончание в халхаском jām⁷³, которое в свою очередь невозможно отделить от литературного -mūi. Может показаться странным и даже сомнительным этимологически соотносить окончания, которые встречаются в формах герундия одного языка и также окончания, которые образуют предикативные словоформы в другом языке. Однако я считаю, что идентичность здесь является не более невероятным, чем в других случаях, где глагольные именные формы являются, с одной стороны, конвербальными, а с другой - предикативными⁷³. И здесь следует исходить от лежащего в основе глагольного имени на -m? От него образовался тунгусско-маньчжурский герундий как бы с помощью звуковой дифференциации и монгольское настоящее время также -mi, которое соответствует поствокальному -qui или -qui /-xui / в окончании -zuqui имперфектного претеритума.

Относится ли халхаское -mai больше к тунгусскому герундию или литературному настоящему времени, я не собираюсь гадать. Но мне не ясно также, что это за глагольная именная форма; но некоторое семасиологическое сходство поз-

воляет мне поверить, что мы здесь имеем вариант именной описательного наклонения на -ma или, вероятно, -m /om. об этом позже!/. Совершенно четко и ясно выступает именная природа настоящего времени на -mūi в примерах kei -su- -mūi -sar 'не дуйте' и 'не голодайте' из Дан-Чжо-миня⁷⁴, так как здесь совершенно очевидно -sar /~*-sar / тюркского происхождения, -suz /~*-suz / 'без'. Такими именными формами являются также teimū, eimū 'таким', срав. халхаское time, ime o -me /~*-ma / и Баргусолон timer, imer e -mer /~*-mar /.

Итак, я вижу в -mūi /-m, -mai / окончание тунгусско-монгольского имени, которое нашло особое /глагольное/ употребление в тунгусском и монгольском языках.

IX. Имперфектный презенс

Это образование настоящего времени не получило распространения в именованном языке и примеры можно привести только из диалектов. Литературный язык характеризуется его настоящим временем на -mūi-, который противопоставляется современному диалектам. Так как настоящее время на -nā- в литературном языке не встречается, поэтому оно получило как среди монгольских, так и европейских ученых неверное освещение. Однако эта форма настоящего времени на -nā- несомненно относится к старому обимонгольскому языковому запасу слов. В иномонгольском языке мы встречаем -nā /<*-nai /, халхаское -n, -na -nā, западно-халхаское также -nā /<*-nai /, бурятское -na⁷⁵, кам. -nai или -na /читай -nā или -nā /⁷⁶. Самым интересным кажется мне то, что для этой формы настоящего времени привести 10-11 примеров из местных говоров, например, ghar menee ebatanna = халха-ургуинское gar-man ödwanā "моя рука болит"; kanour che nantar = халха-ургуинское xān or⁷⁷tāina-ta "куда Вы едете?"; oknya = халха-ургуинское uxdanā "умирает"; taneer nantar = халха-ургуинское, tānna-ta "Вы знаете"; ba reena =

Халха-урганское *зарна* 'хватайте, поймайте' и т.д. Из других монгольских диалектов едва ли есть необходимость перечислять примеры, так как такие глагольные формы весьма распространены и известны. В монгольском письме эта словоформа имеет окончание *-nai* или *-na / -n -a /*. Я называю только вид и способ при попытке их исключения. Шмидт⁷⁷ допустил возможность образования этих обеих форм настоящего времени *magtanui* и *magtanam* с помощью стяжения из *magtan amui*. Первой форме, т.е. литературной форме *magtanui*, как уже видели, не может быть такого объяснения, другая же форма *magtanam* по Ковалевскому⁷⁸ должна быть эмфатической *magtana*. Т.е. *magtana* является более слабым вариантом от *magtanam*. Общемонгольское окончание *-nai* намного популярнее, чем *-nam*, которое я ни разу не слышал в Монголии, хотя встречался и говорил с людьми из различных областей и мест, вместе с тем Бобронников выдает это окончание за восточномонгольское⁷⁹. В монгольских книгах я часто сталкивался с этим образованием настоящего времени на *-nam*, но такие словоформы не являются халхаскими⁸⁰. Об окончании *-nam* и его возникновении я не смог получить четкого представления. В нем /окончании/ можно увидеть контаминацию синонимов *-na* и *-m* или, по Шмидту слитное написание *-n* и слова *am / =amui /*.

Часто считают, что в *-nam* *-na* и местоимения *bi /я/ /-p*, *-m* во многих бурятских диалектах/ обозначает у бурят эмфатический ответ. По крайней мере необходимо расчленить формы *-nai* и *-nam* и отказаться от категорически высказанного заявления ранних исследователей, которые руководствовались фонетическими причинами, особенно говоря об исчезновении *-m* в *-nam*, которое встречается наряду с *-na ~ na* в говорах, я рассматриваю это пока, как обогатившийся вторичный *-n*. Но если *-nam* действительно образовалось из *-am*, то нужно будет согласиться для последовательности с возможностью, что окончание *-nai* могло образоваться самостоятельно из *-n aju*.

Но все это объяснение не подтверждается, когда мы хотим видеть в глагольной форме слово "быть" и не имея на то достаточных оснований. Для объяснения вопроса возникновения этого окончания *-nai*, халхаское *-na*, я хочу сослаться на конечные гласные других временных форм халхаского *-la*, *wa*, *na*, *na*, обратного *-na*, *-la*, *-wa*, *-na* /сравните, еще *-ara*, *aa*, *ija*, *-ga* / . Нет сомнения, что здесь имеются аналогичные образования. Если бы слово *-aja* сократилось в окончании настоящего времени, то вполне должно было бы утратиться представление о сложном слове, ввиду влияния других однокоренных употребленных слов. Я уверен, что звуковые соответствия временных форм имели большое значение /конечные долгие звуки, которые могли быть подчеркнуты изменением/. Это *-a / -ya* / *-ai* / *-yai* / и эти глагольные формы воспринимаются поэтому как предикативные. Это является причиной того, что гласный *-a ~ ai* рассматривается как вторичный элемент встречающийся в предикативном положении некоторых слов, после предшествующего гласного *ya ~ yai*. И этот гласный *-a* становится небезопасным в предикативно употребленных словоформах. В более поздние времена этот конечный гласный /ввиду перемещения акцентуации/ подвергся сокращению, даже исчез как и в халхаском. Итак, мы проследили от *-na ~ nai* до именного глагола на *-n*. Вместо того, чтобы считать вместе со Шмидтом, что *-nai* относится к *-n amui*, мы можем констатировать только существование именной формы на *(-n)*, и на существование этимологически нечеткого, гласного элемента, обозначающего предикатив. Употребление сложных слов как *zugin - uge, bain uge* 'не учаю' 'не учится' 'не являюсь' /нет/ как отрицательный презенс /как настоящее время с отрицанием/ полностью согласуется с этим утверждением /эти словосочетания получили распространение в бурятском языке/.

Относится ли сюда тунгусский герундий настоящего времени на *-na* ⁸¹, я не знаю, так как и в охотском имеется подобный герундий настоящего времени на *-nykan* ⁸². Если бы этот герундий был этимологически идентичным с монголь-

